

1.4 О СПЕЦИФИКЕ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПОЛОЖЕНИИ ИХ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ В НАШЕ ВРЕМЯ

**Біздің заманымыздағы қазақ мәдениетіндегі көшпелі өркениетінің
құндылықтық-дүниетану интенцияларының ерекшелігі мен жағдайы
туралы**

Духовная и мировоззренческая ситуация во всем пространстве бывшего СССР плохо осмыслена. Тем более она плохо осмыслена в плане жизненных ценностных ориентаций людей, и это особенно относится к сложившейся сейчас духовной атмосфере в Казахстане. Время, необходимое для проведения и утверждения экономических, политических, социальных реформ, обозначено как переходный период. Переходный от чего и к чему? Можно ответить на этот вопрос по-разному. От командной экономики к свободной, рыночной, от тоталитаризма к демократии, к гражданскому обществу и т.д. Но то, что основным во всем этом процессе должно быть и единственно может быть субъектное изменение самого человека, который и осуществляет все это или не осуществляет, остается вне поля внимания и забот реформаторов, руководящих властных структур, или проявляется циничное пренебрежение этим фактом чиновниками-временщиками.

Происходящие изменения в мировоззренческом плане есть, конечно, глубинная, не всегда осознаваемая, духовная переоценка ценностей. Но каково сложившаяся картина мировоззренческих ориентиров, которая в основном все еще сохраняется и частично видоизменяется у людей в условиях современного Казахстана и что собой представляет в мировоззренческом смысле то, к чему переходим или собираемся переходить со временем, если, конечно, это произойдет.

Из предыдущих размышлений мы можем заключить, что переход от одной системы ценностей к другой происходит в эпоху, когда индивиды в своем большинстве переживают существенные изменения как субъекты, т.е. они начинают принимать иные качества, уверовать в них, почитать их. Стать иным субъектом, это все равно, что стать, как говорят, другим человеком. Это значит, что для него самого смысл существования заключается уже в чем-то совершенно ином. Это не означает допустим, вместо одной цели преследовать другую или менять профессию, жизненный смысл которых может быть один и тот же.

Человеческие индивиды во всей известной нам истории претерпели два существенно разных состояния (или уровня) своей субъектности. Это так нам представляется и к этому склонялись многие мыслители, в том числе особенно К.Маркс. Мозаику мировоззренческих ориентаций людей, населяющих ныне Казахстан, повидимому, можно будет определять по этому, хотя может быть, еще недостаточно определенному признаку.

Такое изменение индивидов, если речь идет о перемене мировоззренческих установок больших масс людей, сообщества, то оно не может произойти так быстро, как названные реформы. Оно может занять целую эпоху, а не периоды. Внешние отношения и предпосылки, особенно экономические, можно, наверное, установить за достаточно короткий период. Но станут ли они выражением того иного смысла и просвечивать новые ценности, которыми, допустим, большинство индивидов еще не прониклись? Или, может быть, ценности, которым эти реформы, в случае их успешного осуществления, призваны готовить благоприятные предпосылки и внешнюю среду в принципиальном отношении не такие уж новые, даже в условиях СНГ вообще и Казахстана, в частности? Возможно они, хотя и не были господствующими, но исподволь зрели в недрах духовного склада людей, часто прорываясь в неадекватных себе формах, т.е. крайне изуродованных? И, наконец, что это за период и что за ценности?

Все что нуждается в освещении и наши размышления представляют собой в этом отношении одну из первых попыток.

На заре человеческих историй первичной и главной ценностью выступает общность людей, т.е. их общественные объединения и интересы, вытекающие из нужд объединения. Здесь, повидимому, нет необходимости обосновывать этот факт, а также и то, почему общность или единство людей стало тогда на первом плане. Так мы говорим потому, что, как уже говорилось, индивиды при всех условиях так или иначе остаются субъектами, а в данном случае субъектами объединения, единения. Видов или форм общностей и объединений, как известно, множество. Это, разумеется, естественно помимо прочих причин главным образом потому, что каждый индивид в отдельности может быть и стать субъектом в общении с такими же субъектами, ибо только в таком общении возникают общие ценности, взаимные обязательства и права, только в них их действия приобретают качества справедливости или несправедливости, добра и зла, чести и совести и проч. С другой стороны, общность, объединения, их различные типы, невозможны, если индивиды так сливаются в общности, что каждый из них как некая самостоятельно входящая в общность сила или реальность исчезают. Вместе с исчезновением самостоятельности, каких-либо следов автономности исчезает вообще социальность их организации. Впрочем это, конечно, банальность, но история тоталитаризма и отчуждения именно это и имеет как свою главную тенденцию. Исторически первые формы общения и объединения как-будто не таят в себе в плане всепоглощающей тотальности общности и объединенности, поглощения индивидов общностью. Архаический строй традиционного общества, община являет собой объединение субъектов, где такое его значение явственно. Но поскольку это стало для большинства известных нам выбранным ими способом бытия в мире, такой путь совершает известное развитие. Формы и способы подчинения индивида институтами социальной организации совершенствуются. Эти формы, разумеется, сыграли свою позитивную функцию в освоении человеком сил и средств окружающей среды, увеличили

его возможности, создавали средства и новое пространство (*социальное*) для обособления индивида от общности и от других индивидов. С того момента, когда такое развитие переворачивает ценности так, что общность есть все, а создающие ее индивиды ничто, происходит отчуждение. Теперь устанавливается и имеет место не общность людей, а люди общности. Люди принадлежат теперь общности, нации, народу, этносу, государству, в конечном счете обществу. Общество по видимости выступает как первоначальное условие, а люди – его продукты. Завершает социальные институты – государство. Функции общности заменяют теперь функцию самоуправления или точнее, самоопределения. Это, разумеется, общая тенденция, но эту тенденцию совершенствуют, развивают сами индивиды, т.е. они при всем при этом продолжают действовать как субъекты. О специфике отчуждения в тоталитарном, в особенности в советском социуме уже приходилось писать /14/. Она состоит во власти отчужденной от человека функции управления, функции, в конечном счете неотъемлемой от человека, но став неким, отделенным и противопоставленным человеку, институтом, пытается предопределить в человеке все его человеческие проявления.

Пожалуй, ни одна из больших и малых этнических, национальных или других социальных групп населения Казахстана не выпадает по своей мировоззренческой ориентации из описанной ситуации. Эти социальные группы можно было бы разделить условно на две большие, которые тем не менее отличаются не только образом жизни и мышления, но и по характеристикам мировоззренческого восприятия. Первая, это та наиболее многочисленная часть, которую образуют народы, этносы, группы тюркского происхождения, которые имели единые исторические, языковые, духовные корни и религиозные верования.

В другую группу можно было бы включать этно-национальные группы европейского происхождения. Разумеется общие условия тоталитарного социума делает их всех существенно сходными, что однако, не может в рамках этого стереть и заметные различия, особенно в мировоззренческом плане.

Следы древних традиционных мировоззрений более или менее полно сохранились в быту, обычаях и традициях, эпических сказаниях и поэмах, легендах и сказках, которые еще в памяти и современных тюркских народов. Сохранилось и некоторые памятники древнетюркской письменности, содержащие свидетельства о космогонических воззрениях, тесно увязываемых с бытием человека. Особое место среди них занимает, на мой взгляд, надписи орхонской древнетюркской письменности VI-VIII вв., высеченной на каменной стеле памятника Кюль-тегину. Эти надписи, как известно, представляют собой обращение Бильге-Кагана (Могиляна) к своему народу и народам, племенам, подвластным тогдашней огромной тюркской империи. Излагая историю первого возвышения тюркской империи, когда во главе ее стояли предки Бильге-кагана и Кюль-тегина Елтерис и др., ее временного падения, а также ее вторичного возвышения,

которую возглавили каганы отец Бильге-кагана, затем его дядя, и, наконец, он, Бильге-каган, стоящий ныне над тюркским народом, он по ходу делает краткий экскурс в прошлое, т.е. в самое начало человеческого бытия в мире, о том, как вообще началась человеческая жизнь. Судя по всему, каган сам знает, что в данном случае он всего лишь напоминает всем общеизвестное, в народном сознании всегда существовавшее, живущее и поныне, ни у кого не вызывающее сомнения представление о том, как все началось. «Когда вверху возникло голубое небо, [а] внизу - бурая земля, между ними возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими мои предки Бумын-каган [и] Истеми-каган сели [на царство]...» /15/. По самым ранним представлениям, которые во времена уже Бильге-кагана (VIII в.) являлись седой древностью, и небо, и земля, и весь космос, следовательно и человек – все были созданы Тенгри (небо) – отец-бог и т.д. и Умай-ана. В мире был установлен порядок, каждому творению было определено свое место. Упоминание об этом не раз встречается в тексте обращения. Через всю речь – обращение красной нитью идет наставление всем подвластным относительно самой высшей, верховной ценности, которой должны быть подчинены все помыслы и дела, жизнь и даже смерть всех и прежде всего тюрков. Это верность единству, единению, сплочению всего народа, чтобы народ выступал как единое целое. Смысловой центр и апофеоз, которые так эмоционально насыщают обращение, - это полная слиянность всех индивидов в народе. При всем возвеличении роли каганов – своих предков – и своей собственной также, эта слиянность обязательна и для каганов, ибо у них не может быть иной, какой-то личной цели, кроме укрепления государства. Ведь падение империи происшедшее до этого, был результатом предания забвению этого единства и самостоятельного собственного пути развития как каганами и беками, поставленными над народом, так и самим тюркским народом, позарившимися драгоценностями, золотом и серебром, а также шелками, которые постоянно им сулят и одаривают ими каганы табгачей (китайцев), чтобы их погубить и поработить. Повидимому, поклонение золотому тельцу уже тогда представляло собой одну из самых грозных разрушающих и разлагающих сил, правда не единственной. Во всяком случае в этих соблазнах видит Бильге-каган главную причину предшествовавшего его поколению падения тюркского каганата, построенного на совершенно иных ценностях, и нахождения его в рабстве у табгачских владык.

Наиболее ранняя мировоззренческая интенция традиционного общества у тюрков, их способ отношения с природой, их культы, верования и т.д. не выходят за пределы установления гармонического отношения с окружающей их средой. Их хозяйственная деятельность, их отношения между собой, отправление любого жизненно важного события все заранее введены в определенную систему, нормированы так, что они помимо своего непосредственного потребностно-полезностного назначения и смысла, соотнесены с неким глобальным смыслом. Все действия людей без исключения в традиционном обществе более сакральны, чем непосредственно полезны. Об этом свидетельствуют исследования

традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири, - десятка два тюркских народностей, которые еще в шестидесятых годах сохраняли многое из традиционного быта, обрядов, поверий, ритуальных норм, еще не выхолощенных, несущих древние ценностные установки. Исследователи – эпиграфы из Сибирского отделения АН СССР проводящие многие годы подобные исследования, отмечают, что потомки тюрков, когда-то в V-VIII вв. создавших империю и имевших свою письменность, и которым было уже знакомо чувство истории, впоследствии подверглись как бы реархаизации, в том смысле, что вернулись к своим древним формам жизни и ценностям /16/. Так ли это, трудно судить неисторикам. Но материалы собранные и проанализированные ими дают довольно колоритную картину. Традиционное социальное устройство рассматривается как продолжение космического устройства, занимает как бы срединное положение между небом (Тенгри) и землей. Человеческие отношения, его действия и т.д. являются частью космоса и каждое такое действие и поступок направлены на сохранение однажды установленного миропорядка. Жилище, его внутренне устройство, пространственная локализованность вещей – все это должно указывать и на устройство вселенной.

На ведущее значение смыслообразующей ценности на содержание их категориальных форм и организующего центра вселенной указывают обильный материал и представления древнетюркского мировоззрения. Так, в том же обращении – назидании Бильге-кагана говорится: «...Вперед, вплоть до солнечного восхода, справа, вплоть до полудня, назад, к солнечному закату, слева, до полуночи – в пределах все мне подвластны! Сколько народов – всех я устроил!» /17/. Известно, какое место занимало солнце в мировоззренческой системе древних тюрков, а еще древнее – хуннов, далее – со времен эпохи бронзы. Изображения на камнях человеческих существ с солнцеподобной головой в Чуйско-Илийских горах и др. местах, относящиеся к этой эпохе, хорошо известны. Тенгри как бог, как творящее начало, получает свой конкретный образ прежде всего в солнце, а поскольку он одновременно является и отцом, прародителем, то он принимает в какой-то мере и человеческий вид. Родоплеменная организация в обособлении единства уже достигает его определенного обожествления, т.е. оно из следствия оборачивается уже причиной, творящим началом. Весь космос, как и мир человека суть одно универсальное родство, все его организация имеет смысл и ценность как творящее или родящее жизнь начало. И поэтому солнце и отец – прародитель по смыслу сливаются именно на солнце, а не его движение и положение не только и не столько как на точку отсчета в географическом, а главным образом в ценностном плане. Поэтому «вперед» в мире, где жил Бильге-каган, всегда означает в сторону восхода солнца, туда, где солнце рождается. Отсюда получают свои определения все остальные три стороны. Это не просто физические определения и положения вещей в пространстве, что имело бы весьма условное и релятивное значение, зависящее от того, куда мы направляемся. Такое мироустройство есть ценностное мироустройство, где и человек, и каждая вещь и все другие, сюда

входящие элементы, находятся там, какое место определено им и иерархии ценностей. В таком, так сказать, мировидении «назад», «справа», «слева» и т.д. прежде всего означают ценностную иерархию, а потом уже – стороны физического пространства.

Мы уже сказали, что в родоплеменной организации весь смысл заключается в рождении, сохранении и утверждении жизни. Но, это, однако, не всякой жизни, не жизни того или иного члена общины или вообще любого человеческого существа, а жизнь вообще или жизнь в целом, и, конечно, прежде всего жизнь своего рода – племени, народа и т.д. Далее, еще более важное, мне кажется, уточнение, сохранение и утверждение жизни в гармонии со вселенной, которую они знают, жизнь не просто физическую или телесную, а достойную, как они ее понимают. Следующие слова того же Бильге-кагана свидетельствуют об этом. «Золото, серебро, спирт [или зерно], шелк – вот так без ограничения дающий народ табгач имел речь сладкую, драгоценности роскошные. Прельщая сладкой речью, роскошными драгоценностями, он столь сильно привлек [к себе] далекие народы. Поселяясь вплотную, они научились там дурным знаниям...

...люди, не обладавшие истинной мудростью, вняв этим речам, подойдя вплотную, о люди, вы погибли в большом количестве!

Когда ты идешь в ту сторону, тюркский народ, ты можешь погибнуть. Оставаясь же в Отукенской черни, когда ты посылаешь [только] караваны, у тебя нет горя. Когда ты остаешься в Отукенской черни, ты можешь жить, созидавая вечный племенной союз» /18/.

Бильге-каган здесь не говорит только о физической смерти, он говорит о смерти как народа прежде всего. Физическая смерть сопутствует этому. Но если бы даже не наступала физическая смерть, обязательно наступила бы смерть достойной жизни, смерть равного среди равных, наступило бы рабство. Ты можешь иметь достойные отношения с другими, даже с более богатыми, может быть, с утонченными в наслаждении жизнью, оставаясь лишь самим собой. Но главная ценность не в этих благах, а в сохранении своей особой жизни, своего пути, а это – путь нашего единства.

Основной пафос речи кагана – это мысль о высоте и чистоте исконной ценности, на которой основано тюркское общество в противовес соблазнам, ложной, преходящей ценности – богатства и потребления. Богатство как ценность, наслаждение как самоцель, это то, что научает людей «дурным знаниям».

Это столкновение не за землю, территорию, не за господство лишь одной из сторон над другой при неизменности всего остального образа жизни, а столкновение мировоззрений, двух непримиримых ценностей, теряя которые этнические целостности теряют свою самость.

Постоянное утверждение одной определенной, в их понимании вечной ценности, делает ценностью также вытекающее из нее состояние – устойчивость, стабильность. Это особенность любого традиционного общества. Миропорядок, как воплощение этой ценности, постоянно подвержен изменениям. Не допустить этого, при всех отклонениях

возвращаться к исходному положению, все снова и снова утверждать начальные отношения, по возможности в первоначальной чистоте и адекватности себе – вот постоянная задача жизни в традиционном обществе. Поэтому-то блюсти традиции и обычаи, ритуалы и обряды имеет большую роль. По возможности все действия и акты индивида должны быть заранее отработаны и санкционированы традицией, давностью их происхождения, авторитетом времени. Течение времени имеет место, но оно как бы не признается или, если так выразиться, мировоззренческая интенция постоянно пытается свести на нет течение времени и приносимые им изменения. Традиция – это антитеза изменению. Она, таким образом, влечет совершенно иную структуру времени и пространства. Это путь вечного возвращения. Путь вечной идентификации себя с предками. Эталон совершенной жизни остался в прошлом. Каждое новое поколение должно изменять себя мерками «Золотого века», который остался позади. Поэтому прошлое не признается как прошлое, отвергается как прошлое, ибо оно вечно должно оставаться настоящим во всем своем объеме, оно вечно актуально, его восстановление всегда должно оставаться сверхзадачей. Наличное, оставаясь наличным, всегда все снова и снова встает как проблема. Будущее должно представляться как сохраненное и утвержденное прошлое.

К этому по существу призывает Бильге-каган. Ведь крушение империи уже было, хотя после пятидесяти трудных лет удалось ее восстановить. Но слишком велика опасность ее снова потерять. Но империя – это уже не ранняя община с ее довольно прочным равновесием, часто не теряющим своей организационной структуры даже при значительной потере соплеменников. Даже оставшиеся члены фактически уничтоженной племени, сойдясь вместе, могли быстро восстановить эту первичную ячейку общества, ибо в тех условиях это была жизнеспособная форма.

Империя – более поздняя форма, которая не может обладать такой прочностью. Этого тогда, конечно, не могли осознать, тем более в жестокой борьбе племени, этносов и народов иногда она была единственным способом сохранения и выживания, если возможно было ее создать. Позитивная функция империи для тюркских племен – видимо, тогда еще не исчерпалась, ибо кроме самосохранения, она обеспечивала развитие новых потребностей, внутренней структуризацией, она ослаблена, если не уничтожена, внутреннюю замкнутость и самодостаточность общин. Поскольку империя предполагает государство, притом централизованное государство, чиновничество, знать и чернь, социальное расслоение, необходимость постоянного сношения в политической и экономической жизни и т.д., она необходимо вызывает такое явление как письменность. А поскольку включает в себя многие народы, завоевания, она необходимо строится на насилии. Все это, разумеется, лишает ее той стабильности, к которой стремятся.

Централизованная иерархическая власть в империи, где наверху пирамиды восседает одно единственное лицо, сосредоточив в себе волю всех, означает, следовательно, в определенном смысле полное отделение и

отчуждение от индивидов их естественной, как говорили Ж.Ж.Руссо и другие адепты теории общественного договора, способности и права на самоуправление. Здесь уже функция управления выглядит в виде имперской организационной формы как изначальное порождающее начало, а поскольку лицо, стоящее во главе этой пирамиды не отделяет себя от него, то он, равно как и остальные его соплеменники и подвластные, полагает себя этим началом. Теперь уже, следовательно, не общинная организующая функция, а нечто совершенно другое заменяет и подменяет ее, однако, сохраняя и внешнюю оболочку и видимость ее незыблемости. Говоря иначе, прежняя ценность заменена новой, но под видом первой. Об этом также настойчиво и целенаправленно твердит Бильге-каган, рассматривая Каганскую власть и себя, пока он жив, как порождающую и сохраняющую тюркский племенной союз силу. Эту силу и это свое назначение каган, как воплощение верховной власти получили не от своего народа, это не воля своих соплеменников сосредоточена в их индивидуальной воле, они получили эту силу и власть от неба, от бога – тенгри и они сами небесной природы. «Небоподобный, неборожденный, тюркский мудрый каган, я ныне сел [на царство]», - так начинает он свое обращение. «Сев каганом, погибший, бедный народ я поднял [возвысил], неимущий народ я сделал богатым, малочисленный народ я сделал многочисленным. Разве эта речь моя лжива? Беки и народ тюрков, слушайте это! Тюркский народ объединив, как вы должны созидать племенной союз, я здесь высек! [И] как, заблуждаясь, вы распадаетесь, я также здесь высек!» /19/.

Прежние традиционные ценности, конечно, не отменяются, они живы в народном сознании и в повседневном обиходе, небесное, высокое, солнце, луна, звезды, дарящие свет и жизнь, - разумеется, самое ценное. Но теперь верховные правители, тоже сидящие на верхушке властной пирамиды, становятся причастными к небесам, даже одной с ними природы, даже действуют по их воле.

«...Вверху небо тюрков, тюркская священная земля – вода [родина] вот так сказали: «Да не исчезнет тюркский народ! Да будет народом!..» /20/.

Единство этноса внутри себя для самосохранения, для поддержания гармонии с миром, дарящим ему жизнь и достойную жизнь в продолжении потомства теперь преобразуется в единство этноса для его возвеличения, его возвышения над другими этносами. Практические последствия этого известны. Такая новая интенция предполагает завоевания, насилие, господство. Имперское единство не может ограничиваться единством этноса в себе. Ему чуждо самодовление, замкнутость. В свое единство оно стремится обратить другие этносы, народы, племена. Оно простирает свою длань все дальше и дальше. Это, так сказать, логика имперской ценности, не только тюркской, но и всякой другой. И сейчас мы видим пагубные последствия такой имперской экспансии у многих больших народов и в частности в действиях Российской империи.

Мы можем сказать, что такое видоизменение ценности, искажение и перевертывание ее сущностной интенции превращает ценность в некий

внешний идол, который является уже не ценностью в себе и для себя, не дарящим людям их достойную жизнь, а влекущим их на служение химерам, т.е. ложным ценностям. Чем больше возрастает такая ценность, тем меньше сами люди представляют какую-либо ценность. Ради нее людей можно приводить в жертву тысячами и миллионами, что происходит и поныне ради ложного величия, ради возвеличения над другими. Море крови пролито человеческих во имя этого, особенно в XX веке.

Следует еще заметить, что в древнетюркском мировоззренческом комплексе, а также и в анализированной мной речи Бильге-кагана, продолжающей и в то же время коренным образом его преобразующей, высокое, высшее, верхушка, вообще стоящее над чем-то всегда есть более ценное, предпочтительное, на которое и следует ориентироваться, от него, как от точки отсчета, исходить при оценке жизненных явлений, в действиях и поступках. И такой оценочный смысл имеется и во многих других, повидимому, с древнейших времен идущих ценностных восприятиях пространственных определений. В последующих тоталитарных режимах, которые абсолютно преобладали, власть рассматривается чем-то высоким, высшим, над людьми стоящим, величественным и т.д., т.е. несравненно ценным, изначальным, определяющим жизнь и смерть. В той же речи каганы неизменно стоят «над» народом, они небоподобны, они «возвышают», поднимают, т.е. делают людей, народ лучше, ценнее, т.е. тоже небоподобными. В исследованиях группы новосибирских этнографов, о которых уже говорилось, отмечается, что жилище у южносибирских тюрков и поныне по древней традиции как, правило, строится так, что двери обращены на восток, а в некоторых случаях – на юг» /21/. Так делается не из соображений метеорологических и т.д. удобств, а диктуется ценностными установками. Восток предпочитается не только потому, что там восходит солнце, но и потому, что он означает и само небесное, высокое и высшее, точка, где оно само рождается и творит низший мир.

Приобретенное такую окраску мировоззрение с определенными вариациями укрепляется в сменявшихся потом друг друга различных тоталитарных, автократических государствах как и у тюркских, так и у многих других народов во всем евразийском пространстве. Нам кажется, что мировоззрения, адекватные автократическому социуму, имеют примерно такое же происхождение и в остальных странах. В основе таких мировоззрений находится первоначальная слиянность человеческого индивида как в мире природы, так и в мире архаического сообщества.

Поэтому, так получилось, что тюрки Южной Сибири, в памяти которых стерлось их великодержавное прошлое и более развитая культура, претерпев реархаизацию, воспроизвели раннюю мировоззренческую систему и сохранили ее вплоть до XX века. Экспансия ислама до них не дошла. Вхождение в состав Российской империи, а затем и Советской империи долгое время глубоко не затрагивало их основной способ бытия и мировоззренческие установки.

Другое дело – более крупные тюркские народы, обитающие Центральную Азию и Казахстан. Здесь мы, разумеется, можем говорить только о тех, которые населяют Казахстан.

Поскольку развиваемая концепция исходит из того, что человеческие индивиды автономны и субъектны изначально, в силу чего их социальные объединения и сообщества поглотить бесследно эту их автономность не могут в принципе, то и у тюркских народов их первоначальная приверженность к единению не означала исчезновения человеческой индивидуальности. Всякое объединение или коллективность предполагает исконную отдельность целей и мотивов, которые могут совпасть лишь по содержанию, не теряя однако свою отдельность даже тогда, когда тот или иной индивид жертвует собой ради общего интереса. Предпочтение общего своему личному бытию и выступает в этом случае его мотивом.

Перерастание первоначальной общинной демократической организации в имперскую государственность у древних тюрков не привело, однако, к тирании и деспотическим формам правления. В этой последней, как известно, тиран правит, исходя лишь из своих прихотей. Такая характеристика ее сохранилась еще со времен Платона и Аристотеля, которые считали ее наихудшей формой государственного правления.

Целый ряд причин обусловил сохранение относительно вольной жизни. Во-первых, у кочевых и полукочевых народов в степях евразийского континента, в особенности тюркских народов, в те времена еще не распавшихся на отдельные народы и народности, крайне жесткие формы правления не могли формироваться в силу подвижности населения. Хотя границы кочевий и зимовок, а также маршруты их движений по сезонам были строго определены, эти границы являлись столь огромными, а подвижность была почти постоянна за исключением трех-четырёх месяцев зимовок, что всякая тираническая власть, простирающаяся до частной жизни, как племен, так и отдельных индивидов, была невозможна.

Во-вторых, племена и роды, в них входящие, а также их союзы, образующие государство, сохраняли еще социально-политическую обособленность, а отдельный индивид идентифицировал себя, прежде всего со своим родом и племенем, а потом уже с государством, народом и т.д. Отношение государство, т.е. верховной власти к отдельному индивиду неизбежно опосредовалось через их роды и племена. Поэтому индивид являлся относительно независимым от государства.

В-третьих, в государстве еще не было обособленных, специально подготовленных вооруженных отрядов, т.е. регулярной армии, органов правопорядка и т.д. Каждый мужчина был потенциальным воином в случае войны, сам обучался воинскому искусству, сам себя снаряжал. Во время войны каждый род выставлял по общему согласию вооруженный отряд. Во главе родов и племен стояли стихийно выделившиеся по своим индивидуальным качествам Бии, представлявшие интересы своих соплеменников, как в их частных спорах, так и в отношениях с другими племенами и родами, а также в отношениях с верховной властью. Стихийное

выдвижение отдельных лиц на такую роль было, можно сказать, своего рода выбором, поскольку их никто не назначал, а спорящие по обоюдному согласию выбирали себе судьей (казы, бии) того, который в таких делах проявлял до этого свой ум и справедливость. Завоевавшие наибольший авторитет в таких делах выбирались народом в качестве биев рода, племени.

В эту эпоху народ сам выполнял многие функции, которые только потом, в разросшемся и внутренне усложнившимся государственном устройстве становятся специальными функциями выделившихся институтов власти.

Ханская власть в таком обществе не могла быть жестко тоталитарной. Хань избирались. Только значительно позже ханская власть приобрела некоторые черты наследственной власти. Когда ханы у казахов стали избираться только из потомков Чингисхана. Разумеется, у родов и племен отдельный индивид еще не обособлен, его индивидуальность не стоит на первом плане, он в основном еще действует и поступает как член или представитель определенного сообщества. Но тем не менее его индивидуальная воля не задавлена, его автономность не игнорируется, потому что так наз. общество еще совпадает с совокупностью индивидов, входящих в род и племя. общество не противостоит индивиду. Они еще слитны. Каждый взрослый индивид непосредственно участвует в решении общих вопросов. Об отчуждении воли индивидов в пользу каких-то лиц раз навсегда речь еще не идет.

Когда возникло государство и даже империя тюрков правители во многом еще зависели от народа и ограничены его волеизъявлением. В силу указанных причин.

Поэтому кочевые и полукочевые народы, в особенности тюрки, отличались особенным свободолобием. Многие из тюркских народов впоследствии перешли на земледельческий образ жизни и, как правило, многие из них потом, по мере усложнения внутренней структуры, оказались под более деспотическими формами правления. У казахов и киргизов, сохранявших кочевой и полукочевой образ жизни в значительной мере волеизъявление их социальной организации и нравов оставалась. Об этом свидетельствует история многих тюркских народов, перешедших в более ранние времена на оседлый образ жизни, у которых часто устанавливались более деспотические формы правления. Как уже говорилось, появление номадических империй выдвигает на первый план интересы целостности государства, единства народа, под которые затем легко приспособляются интересы царствующей личности или династии, а, следовательно, за общие интересы могут выдаваться их частные интересы. С этого момента и происходит переворачивание первоначального отношения: не индивиды уже выступают как создатели и субъекты государства, а государства и тот, кто сосредоточил государственную власть в своих руках. Это последняя выглядит уже первичным, а люди, его создавшие, вторичными.

Но ханская власть в истории казахов не была построена на жесткой регламентации частной жизни кочевников, что в определенной мере сохранялось и после присоединения Казахстана к Российской империи.

Российская власть при царизме проводила политику постепенного овладения ключами полного подчинения, постепенной колонизации этого края. Ханская власть тоже была уничтожена не сразу. Тем более полное вхождение казахских земель в российскую империю осуществлялось в течение более чем ста лет.

Следует отметить, что империи, в которых деспотическая система была организована на единой вере, концепции или идеологемах, т.е. на едином мышлении, достаточно редкое явление. В империях Александра Македонского, Рима, тюркских империях Аттилы, Османов такая установка на ценностное единообразие, единого мировоззрения или вовсе отсутствовала или осталась на уровне определенной интенции. В империи великороссов тоже.

В ряду таких систем режим большевизма, пожалуй, занимает особое место. Ибо это была система, которая покушалась прежде всего во внутреннюю жизнь индивида, она не ограничивалась только внешним подчинением людей, ей нужно было завоевать и укорениться в душевно-духовном мире каждого человека. Следовательно, это была, если можно так сказать, ценностная экспансия. Подобное проникновение в душевный мир обычно наблюдается в религиозных учениях. Хотя марксистская идеология в ее видоизмененном виде большевизма и выдавала себя за единственно научное учение, она в конечном счете выродилась в своего рода религиозную доктрину, которой стала характерна крайняя нетерпимость к малейшему отклонению от официально принятых догм. Эта нетерпимость в специфических условиях России в дальнейшем естественным образом выродилась в репрессивный режим. Он должен был формировать в каждом человеке одни и те же идеалы, одно и то же материалистическое мировоззрение, согласно которому естественно-исторический процесс развития человечества, проходя целый ряд фаз, приводит в конечном счете к коммунизму. Коммунизм которой согласно основателям марксизма венчает человеческую историю, теоретически так и не был более или менее конкретно разработан ими. Они, как известно, полагали, что такая разработка может быть осуществлена лишь в более конкретных условиях последующего развития.

Литература

1. Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т.3. С. 658.
2. Там же. С. 659-660.
3. Гегель. Философия права. М., 1990. С. 56.
4. Фридрих Ницше. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск. 1999. С. 40.
5. Там же. С. 44.
6. К. Абишев. Свобода как глубинная ценность человеческого бытия. Казахстанская философия в канун XXI века. Алматы. 1998.

7. Аристотель. Политика. Аристотель. Соч. в четырех томах. Т.4. М., 1984. С. 603.
8. Кант. Антропология с прагматической точки зрения. Сочинения в шести томах. Т.6. М., 1966. С. 562.
9. Там же. С. 564-6-565.
10. Там же. С. 563.
11. Там же. С. 565.
12. О. Шпенглер. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С. 289.
13. Социализм и отчуждение // Известия АН КазССР, Алматы, 1989. №6. «Тоталитаризм как форма отчуждения», «Человек в мире отчуждения».
14. Г. Айдаров. Язык памятника Кюль-тегину. Алматы, «Гылым», 1993. С. 209.
15. «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири». Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, «Наука», Сибирское отд., 1988. С. 58.
16. Г. Айдаров. Язык памятника Кюль-тегину. Алматы, «Гылым», 1993. С.205.
17. Там же. С. 206-207.
18. Там же. С. 205-206.
19. Там же. С. 212-213.
20. «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири». Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, «Наука», 1988. С. 63.